

РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДНЕЙ

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Кумачом красных стягов перерезана сцена, они протянулись в зал, словно ослепительные лучи прожекторов. И сразу потерялось ощущение рампы, оркестровой ямы — «водораздела» между теми, кто творит искусство, и нами — зрителями. Кажется, все мы втянуты в водоворот событий, происходящих на театральных площадках, одновременно на нескольких (так подается исторический факт — в разных аспектах, ракурсах), все стали соучастниками их.

«Десять дней, которые потрясли мир» — опера украинского композитора М. Карминского и либретто В. Дубровского по известнейшей книге американского писателя-публициста Джона Рида. Сочинение, воскрешающее забываемые дни Октября 1917 года языком подлинно исторических документов — речей, воззваний, телеграмм, листовок, которыми дополнен ридовский текст. Нетрудно представить, сколь необычна партитура, сколь далека от оперной «специфики» постановка. (Для осуществления ее Пражский Национальный театр пригласил создателей этого спектакля в Донецке — режиссера Е. Кушакова и дирижера И. Лапанича, чья работа вместе с авторами произведения была отмечена II премией на Всесоюзном конкурсе, посвященном ленинскому юбилею).

Да, все необычно здесь, все ново и, может быть, моментами трудно для восприятия. Впрочем, зрители увлечены, взволнованы, захвачены. Калейдоскоп событий, неповторимых исторических событий, разыгрывается на театре. А театр ли это? Или жизненные эпизоды, запечатленные хроникой — литературной, музыкальной, «ожившими» художественными полотнами, кинокамерой — общими планами, средними, крупными, стоп-кадром?..

— Поначалу было очень трудно, — рассказывал мне директор Национального театра профессор Пршемысл Куги. — Сложный язык всех без исключения партий, сложный и непривычный, огромное количество участников, действующих на сцене (до четырехсот), а площадка у нас, как видите, очень тесная. Объединенный оркестр театра имени Сметаны и оперной труппы Национального, три хора. Пока все это собралось, организовалось! Правду сказать, не верили, что получится. Я уж сам активно включился в спектакль — исполняя роль Матроса. По-моему, образы Солдата и Матроса — патруля революции, которые комментируют события и непосредственно участвуют в них, задуманы интересно, оригинально. Спектакль этот мы считаем очень важным событием в жизни коллектива.

В Праге во время бесед первый же вопрос, который задавали мне о «Десяти днях» работники Министерства культуры, театральные деятели, композиторы, коллег-журналисты: «Как вы

определяете этот жанр?» Единственный ответ: «Точь в точь так, как определил его автор, — музыкальные фрески. Конечно, это не опера в том понимании, как мы классифицируем жанр. И вместе с тем и опера, и оратория, и торжественное музыкально-сценическое действо, и драма с музыкой, и театрализованная музыкальная хроника».

Зрелище сложное в своих составных и глубоко волнующее. То, что сделал в спектакле художник Одржих Шимачек, буквально потрясает. В каждой картине-фреске, в каждой сцене — эмоционально-смысловой ключ происходящего, начиная с Пролога, когда через репродуктор звучит голос Ильича — обращение к партии, к Центральному Комитету о необходимости немедленного начала вооруженного восстания, а в глубине сцены, на заднике, прорисовывается тень огромного маятника — символ неумолимости хода исторических революционных событий: ничто не способно остановить время, и маятник мерно отсчитывает часы, минуты, секунды. Черно-белые проекции петроградских мотивов или их символов в сочетании с яркими цветовыми пятнами, с выхваченными светом реалистическими деталями архитектуры, мебели, исторически достоверными предметами реквизита — все это помогает ввести зрителя в атмосферу действия, создать соответствующий настрой. То двуглавый орел, точнее, осколок двуглавого орла — знак самодержавной власти, ненадолго нависает, то в ракурсе Александровская колонна, то штабная арка, то детали свода в Смольном, кусок металлической решетки или просто безлюдная, уходящая в никуда солдатская дорога войны...

Великолепен хор-комментатор. Он не участвует в самом действии, неподвижен, но его страстный, заинтересованный комментарий — призыв, согласие, протест, гнев — превращает этот хор в одно из главных действующих лиц произведения. Он рассказывает об обстановке, о столкновениях, трудностях, эмоционально обобщает происходящее. И именно эта выразительнейшая краска, достигнутая пением (хормейстеры Милан Мали и Владивой Янковский), в полной мере позволяет раскрыть то, что составляет неповторимую особенность и ценность произведения — сочетание документальной достоверности и романтической приподнятости хроник революционных дней.

И еще один важнейший компонент спектакля, который держит зрелище на высоком градусе эмоционального накала, — образ Ленина. Все мы знаем немало блистательных актерских работ в кино, в театре, которые вписаны в художественную Лениниану. И не будет преувеличением сказать, что оперный вариант образа, воплощенного на пражской сцене Идржихом Индраком,

полным основанием займет достойное место рядом с прославленными исполнителями. Блистательная актерская победа, отмеченная редкой правдивостью, простотой, естественностью! А ведь Индржих Индрак — оперный певец. Мне рассказали, что И. Индрак, работая над этой ответственной партией, пересмотрел массу иконографического материала, связанного с образом Ленина, познакомился с художественными кинолентами, хроникой, прослушал записи речей, перепробовал разный грим. И результат — оставляющая неизгладимое впечатление актерская победа.

Спектакль, на который я попала в Праге, был пятым или шестым по счету со дня первой постановки. Но казалось, что это премьера. С чувством огромной самоотдачи выступали солисты, хор, оркестр. Увлеченно, горячо вел оперу дирижер Богумил Лиска (в первых спектаклях за пультом стоял советский дирижер Игорь Лапанич, как уже было сказано, музыкальный руководитель постановки). И в зале, ответно, царила атмосфера именно той самой премьеры, на которую зрители попадают ценой больших усилий. Много молодежи, очень много. Смотрели и слушали, буквально затаив дыхание. Я видела, как, сжавшись в комочек, девушка едва сдерживала слезы, когда в торжественно-траурной обстановке картины «Красных похорон» рабочие, прощаясь со своими соратниками, произносили клятву верности делу революции. Я видела, как настороженно следили в зале за калейдоскопом событий «В Смольном», с какой радостной восторженностью встречали появление на сцене Ильича. Зал неоднократно взрывался аплодисментами, выказывая свое отношение к событиям, торжествуя победой.

Эту постановку Пражский Национальный театр посвятил полувековому юбилею Советского Союза. Она была встречена очень горячо, получила широкую прессу, отмечавшую спектакль как одно из крупнейших музыкальных событий в Чехословакии за последние годы. Один из рецензентов писал: «Это большое творческое свершение. Десять картин потрясли даже позолоченную лентку в зале Национального театра. Наша первая сцена, построенная любовью и самопожертвованьем народа... после многих лет топтания на месте, смело и решительно поставила произведение действительно современное, что значит социалистическое».

И вот сегодня я покидаю Прагу с чувством огромной радости за авторов произведения, за их коллег из Донецка, за всех участников постановки, которые дали вторую жизнь этому произведению, с успехом осуществив спектакль о революции, о народе, о Ленине на сцене одного из крупнейших оперных театров Европы.

М. ИГНАТЬЕВА,
изд. спец. корр.

СОВЕТСКИМ КУЛЬТУРА
Г. МОСКВА

26 ЯНВ 1952